

А. И. БРОДСКИЙ

Власть языка: П. А. Флоренский и лингвистическая философия XX в.

Сосредоточенность на проблемах языка — одна из характерных типологических черт философии XX в. Осознание того факта, что язык есть некий «способ мироистолкования», предпосланный любому познавательному акту, Х. Г. Гадамер называет в числе важнейших «философских оснований» прошлого века¹. Философия Нового времени от Декарта до Гегеля не придавала большого значения языку и рассматривала его скорее как препятствие на путях познания. «Философы Нового времени, — писал Ю. Бохеньский, — имеют странное обыкновение рассуждать о понятиях так, как будто это не значение слов, а нечто такое, что витает в воздухе. Любая серьезная философия, как европейская (античность, схоластика), так и индийская (брахманизм и буддизм), включает в себя философию языка; философия Нового времени не имеет о ней ни малейшего представления»². В XX в. ситуация изменилась. Самые различные философские направления этой эпохи — аналитическая философия и феноменология, философская герменевтика и психоанализ, структурализм и постмодернизм — сошлись в убеждении, что языком заданы как возможности, так и границы нашего мышления, и что, следовательно, язык является основным объектом приложения философских усилий. Знаменитое изречение М. Хайдеггера — «язык — это дом бытия» — стало почти общим местом философии прошлого столетия.

Русская философия в этом отношении даже опередила западноевропейскую мысль. Уже в середине XIX в. славянофилы

¹ См.: Гадамер Г.-Г. Философские основания XX века // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 24.

² Бохеньский Ю. Сто суеверий. Краткий философский словарь предрассудков. М., 1993. С. 160.

стали рассматривать язык «как самостоятельный и фундаментальный феномен, через призму которого решаются важнейшие философско-мировоззренческие проблемы»³. А в первой половине XX в. С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, А. Ф. Лосев, М. М. Бахтин и др. увидели в проблеме *слова* чуть ли не основную проблему философии. И, сравнивая русскую лингвофилософию с западноевропейской философией языка XX в., можно обнаружить удивительные совпадения. Остановимся на одном из таких совпадений.

В основе большинства современных направлений философии языка лежат работы Л. Витгенштейна, особенно его позднейшее сочинение «Философские исследования» (1953). Лингвистические идеи этой работы во многом перевернули наши представления о языке. Одно из центральных мест в этих идеях занимает концепция т. н. «*семейных (фамильных) сходств*». Суть данной концепции состоит в утверждении, что многие термины естественного языка с успехом применяют к классу объектов, элементы которого не имеют общего признака, а связаны друг с другом сложной сетью переплетающихся подобий. Этим термины естественного языка существенно отличаются от терминов языка науки или от того, что в классической логике принято называть *понятиями*. «Рассмотрим, например, процессы, которые мы называем “играми”, — говорит Витгенштейн. — Я имею в виду игры на доске, игры в карты, с мячом, борьбу и т. д. Что у них общего?... Глядя на них, ты не видишь чего-то общего, присущего им всем, но замечаешь подобия, родство, и притом ряд таких общих черт»⁴. Иными словами, общий термин может относиться к таким объектам *A, B, C* и т. д., у которых *A* имеет нечто общее с *B, B* — с *C*, но *A* не имеет ничего общего с *C*. Витгенштейн сравнивает эти подобия со сходствами между членами одной семьи. «Я не могу, — пишет он, — охарактеризовать эти подобия лучше, чем назвав их “семейными сходствами”, ибо так же накладываются и переплетаются сходства, существующие у членов одной семьи: рост, черты лица, цвет глаз, походка, темперамент и т. д. и т. п.»⁵. Опираясь на это свое наблюдение, Витгенштейн утверждал, что мнение, будто для достижения ясного значения общего термина нужно найти общую дефиницию для всех предметов, к которым он относится, является ошибочным.

³ Философия языка в России. СПб., 1999. С. 8.

⁴ *Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М., 1994. С. 111.*

⁵ Там же. С. 111.

Принято считать, что Витгенштейн первый отметил эту специфику естественного языка. Однако совершенно аналогичные рассуждения можно обнаружить в работе П. А. Флоренского «Смысл идеализма», написанной еще в 1914 г. Объясняя природу универсалий (родов), Флоренский отмечает, что они выражают не общие свойства объектов, а множество пересекающихся подобий. Причем, как и Витгенштейн, он называет эти подобия «фамильными сходствами» и сравнивает их со сходствами между членами одной семьи. «Среди родичей, — пишет он, — нельзя указать такого звена, или у них самих такой черты, к которой удалось бы приурочить род»⁶. Родичей объединяет не общая черта, а общий «корень», который нельзя отождествить с каким-либо отдельным свойством или признаком.

Итак, совпадение почти полное. Откуда же оно возникло? Какое-либо влияние Флоренского на Витгенштейна исключено: в 1950-е гг. Флоренский был совершенно неизвестен на Западе. Остается предположить, что и Флоренский и Витгенштейн почерпнули эту теорию у кого-то третьего. *Но кто этот третий?* К сожалению, я пока не знаю ответа на этот вопрос. Впрочем, для настоящей заметки это не столь уж важно.

Разумеется, Витгенштейн и Флоренский делают из своего наблюдения различные выводы.

У Витгенштейна теория «семейных сходств» является одним из подтверждений общей идеи «Философских исследований»: значение слова определяется не объектом, связанным словом как со своим именем, а употреблением слова в «естественных контекстах» или правилами «языковых игр». Значение слова *объективно* в том смысле, что оно не является результатом субъективного «переживания». Но это «установленная объективность»: она определяется не соотносительностью слова с объектом, а установленными правилами его употребления.

У Флоренского теория «семейных сходств» служит доказательством того, что общие термины — не абстрактные понятия, а символические выражения платоновских эйдосов, которые, в свою очередь, понимаются как «конкретные и живые единства». Реальную семью объединяет не общее свойства, а общий предок. И тот или иной род вещей объединяют не общие признаки, а общий идеальный и ноуменальный корень. Например, *человек* — это не «мыслящее животное» или «двуногое без перьев», а *Адам*, мифический и символический образ общего для всех людей предка.

---

⁶ Флоренский П. А. Смысл идеализма. Сергиев Посад, 1914. С. 64.

Однако, несмотря на различие выводов, само обращение Флоренского и Витгенштейна к естественному языку было вызвано во многом сходными мотивами.

Мировоззрение Флоренского — математика по своему первоначальному образованию — складывалось под впечатлением от парадоксов в математике и логике, которые были открыты в начале XX в. Многим ученым тогда казалось, что все здание математики рухнуло. Но Флоренский воспринял эти парадоксы с энтузиазмом. Они стали для него красноречивым свидетельством поражения разума, который отныне должен навсегда отказаться от своих притязаний. Конечно, логики и математики того времени не собирались отказываться от «притязаний разума». При чем Г. Фреге, Б. Рассел, Д. Гильберт и др. видели путь к устранению парадоксов в определенной *критике языка*, которая включала более четкое различие семантических категорий, введение определенных языковых запретов, уточнение синтаксических правил, формализацию и т. п. В отличие от них, Флоренский усматривал в нечеткости и противоречивости языка признак его «глубины» и способности противостоять любым посягательствам разума на тайны бытия. «Крепость языка, — писал он, — есть не монизм его, не стерилизованная чистота того или другого стихийного или логического его начала, а, напротив, напряженность его антиномий... Работа над языком имеет задачей своей: железную антиномию его закалить в сталь, т. е. сделать двойственность языка еще бесспорней, еще прочней»⁷.

Что же касается Витгенштейна, то в начале XX в. он придерживался программы математиков и логиков. Вдохновленный успехами формализации, Витгенштейн задался целью создать логически совершенный язык, в котором семантические свойства знаков максимально дифференцированы, все знаки однозначны, а их отношения регулируются четкими правилами логического синтаксиса. Изменение его позиции произошло позднее и не в последнюю очередь под влиянием теоремы К. Геделя «о неполноте», доказавшей принципиальную невозможность полной формализации научного знания. И хотя Витгенштейн, в отличие от Флоренского, никогда не выступал с обскурантистских позиций, в его поздней лингвистической теории явно прослеживается тенденция поставить под сомнение правомерных точных дефиниций, научных абстракций и искусственных языков, т. е. всего того, без чего невозможна наука.

---

⁷ Флоренский П. А. Термин // Флоренский П. А. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 201.

Таким образом, и у Флоренского, и у Витгенштейна речь идет о некоей изначальной «мудрости» естественного языка, бесконечно превышающей любые интеллектуальные усилия людей и способной уберечь нашу мысль от субъективного произвола. В обоих случаях мы имеем дело с фетишизацией естественного языка, с тенденцией поставить *язык на место разума*, вызванной «капитуляцией» разума перед парадоксами, повлекшими за собой смену научных парадигм.

Конечно, власть языка над нашим мышлением огромна. Язык, утверждал Р. Барт — это «обыкновенный фашист», ибо сущность фашизма не в том, чтобы запрещать, а в том, чтобы понуждать человека мыслить определенным образом⁸. Позитивисты начала XX в. или постструктуралисты его конца пытались с этой властью бороться. Первые искали спасение в искусственных языках науки; вторые — в «отклоняющихся» языках безумцев и гениев. Флоренский и Витгенштейн перед этой властью капитулировали.

Реакция Флоренского и Витгенштейна на изменение научных парадигм — характерное явление в философии XX столетия. Утверждение, что естественный язык есть «мироистолкование» предпосланное любому акту рефлексии сближает лингвистическую философию обоих мыслителей с такими интеллектуальными явлениями начала XX в., как марксизм, философия жизни, философская антропология и т. п. Все эти идеологии были направлены против автономии разума, все они стремились развенчать «иллюзию самоопределенности» сознания и низвести субъекта познания и деятельности на уровень агента неких анонимных сил: истории, жизненной энергии, языка и т. п. Нечто подобное мы видели и в постмодернизме конца прошлого столетия, где человеческая субъективность растворялась в различных «дискурсивных практиках». И мне кажется, что эта тенденция в философии имеет некоторое «семейное сходство» с такими реакциями массового сознания на процессы индивидуализации и урбанизации жизни, как групповой конформизм, культ вождей, национализм, религиозный фундаментализм. Во всех случаях имеет место желание раствориться в некоем доиндивидуальном, сверхличном начале. В ситуациях, когда меняются привычные ориентации и представления, будь то ситуации в науке или в общественной жизни, людям свойственно стремление укорениться в каком-то внеличном бытии и избавиться от собственной субъективности.

---

⁸ См.: Барт Р. Лекция // Барт Р. Избранные работы. М., 1989. С. 549.

Что же касается самой концепции «семейных сходств», то она, безусловно, является верным наблюдением, которое лишь еще раз подтверждает старинную (бэконовскую и декартовскую) мысль: естественный язык может стать серьезным препятствием на пути познания; критика языка — необходимый элемент интеллектуального прогресса.

